

Александр Куриленко

СОУ ВОДОЛЕЯ

наблюдения и фотофиксация

16+

Александр Куриленко

«Сон Водолея... наивная история»

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Куриленко А. А.

«Сон Водолея... наивная история» / А. А. Куриленко — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Когда жизнь даёт трещину, сердце тянется туда, где прошло детство... Вот наш герой и отправляется на малую родину... Разбушевавшаяся гроза загоняет на сеновал... Вспоминает он встречи, которым не придавал значения ранее, но которые теперь обретают новый смысл... Наконец, добравшись до старого родительского дома, он лежит на кровати в тёмной комнате... Сильнейшая боль застревает в сердце, а когда через минуту он приходит в себя, то понимает, что всё вокруг как-то необъяснимо, но совершенно реально изменилось... Наш герой идёт к зеркалу, протягивает руку вперёд и она проходит сквозь стекло...

© Куриленко А. А., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель! У Вас в руках книга человека, появившегося на свет в период остывающего сталинизма, пережившего кукурузную оттепель, застойный ренессанс, антиалкогольную перестройку, беловежский развод и дикий капитализм по-русски! Теперь, в самом начале 21-го века, в период «бобла и оргазма», оглядываясь на прошедшее, он смотрит на свои мысли, поступки и в целом на свою совковскую жизнь с ужасом инопланетянина планеты Плюк галактики Кин-дза-дза, из одноимённого фильма кинорежиссёра Данелия, которого «дикари» пригласают на Землю, где нет «даже цветовой дифференциации штанов»!

Правда – не удобство, справедливость – не выгода и смысл – не целесообразность.

Совок – это понятие не профессиональное и не расовое, не национальное и не конфессиональное. Это понятие нравственное. Жизненное кредо его: я за всё в ответе, если не я, то кто?! Кроме того, совок интернационален! Он есть в Европе и в Азии, в Америке, в Африке и в Австралии. Он тот лох между стяжателем и маргиналом, который вбил себе в голову, что надо спешить делать добро и который стремится реализовать этот, с точки зрения вышеуказанных крайних, бред на практике! Это участковый сорокалетний старший лейтенант милиции, которого знает вся округа и к которому идут по все вопросам жизни и смерти! Это школьный учитель из глубинки, который будет ходить в школу, даже если ему перестанут платить жалованье, и он будет жить только со своего огорода, потому что его ждут дети, и он их не оставит! Это участковый врач, идущий к людям в любую погоду, и не вздумайте ему сказать, что на базаре он заработает в день двухмесячную зарплату врача, он помнит клятву Гиппократов и знает всех в посёлке по именам, и Вас он не поймёт! Это военный, сознательно поступивший в училище, чтобы защищать Отечество (!), понимая, что служить ему, как медному котелку, всю жизнь скитаться по гарнизонам у чёрта на куличках, по съёмным квартирам, рискуя потерять семью, если жена со слезами и словами, что он погубил её молодость, уедет к маме! Это учёный или инженер, донашивающий последние штаны и застиранный галстук и не замечающий этого, потому что по ночам ему снятся формулы и железяки! Это провинциальный актёр, чей театр как бельмо на глазу у местной администрации, но каждый вечер он уводит за собой зрителя в другую жизнь, в другой сказочный справедливый и прекрасный мир, который только грезится нам, в другие человеческие взаимоотношения, хотя, выйдя из театра, он бежит на утренники и халтуры, чтобы хоть как-то свести концы с концами! Это, это, это... Эти люди будут сознательно и мужественно упираться в своей работе, но торговать на базар они не пойдут.

Когда говорят, что бытие определяет сознание, мне хочется своим оппонентам рассказать услышанную, уже не помню когда, где и от кого, историю времён второй мировой войны. Находясь в гитлеровском лагере смерти, женщины наводили на лице макияж из тёртого кирпича, глины и угольков, зная, что через несколько минут их отправят в газовую камеру и в печь! Дорогой читатель, Вы не чувствуете холодок под лопаткой от этой истории? А читатель мужчина не испытывает непреодолимое желание схватить в охапку эту беззащитную, но не сломленную в своей отчаянной женской сути женщину, и рвать зубами мутантов, а когда всё придёт к концу, соединить судьбы и души?! И в этой связи, не кажется ли Вам, дорогой друг, что человеческая жизнь сама по себе не самая высшая ценность, а есть ещё что-то, что остаётся по её завершению, и ради чего жертвуют собой? Хороший вопрос, скажут многие и покрутят пальцем у виска! Но если Вы задумались, то это Вы броситесь с гранатой под танк, прикрывая товарищей, это Вы пойдёте на бандитский нож, когда пытаются ограбить старика или изнасиловать женщину, это Вы будете битый час торчать на морозе возле лежащего бомжа и со своего мобильного каждые пять минут терроризировать милицию вопросом: почему долго едут, а потом пойдёте в магазин за чекушкой, чтобы не сдохнуть от воспаления лёгких и с радостью для себя найдёте этот день очень удачным, поскольку, возможно, спасли трижды никому не нужную жизнь совершенно незнакомого человека! Такие люди читаемы и прогнозируемы в

своей искренности, доверчивости и надёжности. Они лохи, лопухи, совки, Семён Семёнычи Горбунковы! Над ними смеются и в лучшем случае считают чудаками, но жить без них не могут. Эта та, не очень большая категория человечества, которая, не давая уснуть совести, делает всех нас людьми!

Я не стремился к эпическому полотну, преследуя целью быстрое и лёгкое, на одном дыхании, прочтение и восприятие. Это попытка посмотреть изнутри на тот противоречивый мир, в котором жила огромная страна которой уже нет и, видимо, никогда больше не будет.

С уважением, Александр Куриленко

Александр Куриленко

Людам, котам, собакам и всем, кому бывает больно и страшно, посвящаю...

СОН ВОДОЛЕЯ

наивная история

Поезд неторопливо приближался к станции, плавно покачиваясь и звонко постукивая на стыках. Уже остался далеко позади железнодорожный мост, высокие ажурные фермы которого были видны отовсюду на добрый десяток километров. Красавица река величаво проплыла под окнами вагонов, отражая своим безукоризненным зеркалом бездонное предвечернее небо, бережно несущее невесомые, чуть розовеющие облака.

Высокая насыпь закончилась, и тень от вагонов прыгала теперь по станционным постройкам, полосатым столбам, по каким-то ящикам и будкам, которые обычно располагаются вблизи станций, прижимаясь к железнодорожному полотну, как к родной матери. Казалось, поезд вот-вот зацепит что-нибудь из этого хозяйства, но он, ловко маневрируя, наконец, вышел к вокзалу и услужливо остановился у перрона.

В прежние времена это был едва ли не единственный пассажирский и грузовой путь в здешних местах, и поэтому был он очень оживлённый.

При подходе состава вокзал гудел, как пчелиный рой, всё шевелилось, суетились чемоданы и сумки. Тревожная радость отъезжающих и грусть провожающих смешивались на перроне в одно дыхание дальней дороги и неслись над людьми.

В билетную кассу, как правило, стояла вечная очередь, люди в которой заметно волновались и непрерывно поглядывали в сторону поезда.

Проводники деловито открывали двери и, громко хлопая стальными площадками, протирали поручни, урезонивая пассажиров, подступающих стеной. Внутри тоже царил оживление, а, учитывая непродолжительность стоянки, в проходе заблаговременно выстраивалась плотная людская вереница, которая, поминутно пиная сумками и чемоданами выступающие внутренности вагона, медленно продвигалась к выходу.

Нынче же всё изменилось. Границы, политические амбиции и человеческая глупость разделили пространство и жизнь. Поезда ходили всё реже да к тому же ещё полупустые.

Вот и теперь его вагон с десятком случайных пассажиров, из которых выходил он один, остановился точно напротив вокзала, распахнутые двери которого демонстрировали миру сумрачную пустоту. На перроне из встречающих было всего несколько человек в форме железнодорожников, да две бабки с пацанёнком, лет десяти, которые подтаскивали к тамбуру какие-то мешки. Ещё, неподалёку паслась привязанная к вбитой в землю ржавой железяке белая коза с длинными рогами и цветастой ленточкой. Она, перестав жевать, с любопытством уставилась на происходящее, видимо не веря своим глазам, что из поезда может кто-то выйти.

Всю свою сознательную жизнь, путешествуя налегке, Юрий Константинович Апрапин и в этот раз был обременен одной единственной дорожной сумкой. Накинув ремень на плечо, он спустился по решетчатым ступеням и шагнул на невысокий перрон, погладив напоследок

тёплый поручень своего недолгого ночного приюта. Коза, уставив на приезжего деревянный взгляд, испустила в его сторону стрекочущее бляенье, и, видимо потеряв интерес к происходящему, принялась снова щипать пыльную придорожную траву.

Почему-то вспомнилось Юрию как много-много лет тому назад, когда ему ещё не было и пяти, он с родителями впервые приехал сюда. Как сошли они на ночной слякотный парапёт, и он стоял рядом с большими немецкими чемоданами, а от паровоза шёл пар и стелился по огромным красным колёсам. Как где-то в промозглом сумраке тревожно ударил колокол, паровоз вдруг сердито зашипел, его страшные колёса бешено завертелись на одном месте, поезд, нехотя, тронулся, а потом пошёл быстрее, быстрее, пока совсем не пропал в темноте.

Отец тогда взял чемоданы, и они с мамой и братом пошли за ним мимо здания вокзала на задний двор, где их всех уже ждал дедушка, мамин папа, на телеге с лошадьё. Отец с дедом уложили вещи, все расселись в повозке, укутались в овчинные тулупы, и подвода тронулась в холодную и сырую темень. Единственным источником света была керосиновая лампа «летучая мышь», которая болталась сзади на торчащей из телеги палке.

Дороги, в привычном её понимании, не было, вернее она представляла собой уходящую в поле, еле угадываемую в потёмках полосу земли, разрезанную вдоль глубокими колеями, которые были заполнены жидкой грязью вперемешку с мокрым снегом. Телегу беспрестанно кидало из стороны в сторону, она наскакивала на кочки, проваливалась в ямки, жалобно скрипела, но везла.

Несмотря на бесконечную и довольно ощутимую тряску, маленький Юра через несколько минут уже спал под овчинным тулупом на руках у мамы и проснулся только утром в тёплой белоснежной постели в светлом бабушкином доме. Сквозь кружевные занавески на окнах в комнату пробивалось солнце, рисуя на струганом деревянном полу причудливые световые пятна и фигуры. В соседней комнате позвякивала посуда, пахло печкой, жареным салом и картошкой. Это сочетание отпечаталось в памяти и навсегда вошло в Юркино сердце, как формула маленького детского счастья.

Итак, недолгий вагонный плен закончился. Глубоко вдохнув июньский воздух свободы, пахнувший разнотравьем, пылью и тормозными колодками, наш путешественник, пройдя по потрескавшемуся теплому асфальту перрона, зашагал вдоль вокзала к выходу. После поезда его немного покачивало, но, несмотря на произошедшие жизненные потрясения последнего времени, сердце радостно прыгало, а грудную клетку распирали восторг, который Априанин еле сдерживал, боясь показаться ненормальным.

Дело в том, что время от времени он приезжал на свою малую родину, правда, в основном по печальному поводу, связанному с уходом из жизни близких людей. Но он приезжал на автомобиле и совершенно по другой дороге. И хотя машины у него теперь уже не было, условно, Юрий мог бы поехать привычной дорогой автобусом, но он, сделав приличный крюк, специально отправился на поезде. Он поехал тем самым путём, которым пятилетним пацаном, вообще впервые явился в этот город, и который покинул после окончания школы. Получалось, что за последние почти тридцать лет, он впервые оказался у старого вокзала.

Вертя головой и плохо разбирая детали, Априанин старался угадать произошедшие перемены в том, что снилось ему по ночам и грезилось наяву, со временем дополняемое фантазией взамен уходящей памяти. Но детские воспоминания всегда были обрывочны, не четки и сумбурны, а эта явь, окружавшая его сейчас, была конкретна, подробна и поднимала в душе его такую тёплую и щемящую волну, что он боялся утонуть в собственных чувствах.

Лето и детство

Лето, дорогой читатель, это совершенно другая жизнь, вернее, это и есть жизнь после долгого сонного зимнего забвения.

Население маленького провинциального городка увеличивается в эту пору в несколько раз за счет приезжающих родственников, разбросанных по всему белому свету.

Представьте себе, самая чистая речка в области, обилие зелени, овощей и фруктов, воздух, настоящий на луговых травах и сосновой хвое, парное молоко и дружелюбие аборигенов – что еще нужно, чтобы в полной мере отдохнуть от городской суеты.

Малолетнее население также вырастает многократно, завязываются новые, по-детски быстрые знакомства, переходящие из лета в лето в дружеские и продолжающиеся иногда многие годы, и уж почти наверняка согревающие воспоминаниями всю оставшуюся жизнь.

Городское высокомерие приезжих, неприязнь и недоверие местных быстро проходят, освобождая место простым человеческим отношениям. Люди открываются, и всё лучшее, может быть доселе дремавшее в них, просыпается и находит свой выход.

Вечером, когда огромная розовеющая луна протискивается в недвижной, пропитанной июньским цветением, атмосфере на темнеющее небо, в городок со стороны реки по центральному местному «бродвею», ведущему на мост, лениво, растянувшись на сотни метров, вступает стадо коров. Воздух, колеблемый маятниками хвостов, наполняется пылью, протяжным мычанием, запахом парного молока и неизбежным «ароматом» коровьих лепешек, которые, как мины, разбросаны по всей дороге. Отпускники, плетущиеся с пляжей усталой вереницей, настороженно поглядывают на буренок, и тоже продираются в этом потоке, отмахиваясь руками от пыли и запахов, щетно пытаясь обойти дорожные сюрпризы.

Но испортить настроение не реально. День, проведенный у ласковой речки на траве или на песке возле сосен, с большим пакетом кисло-сладкого «белого налива», забываем.

Приняв теплый душ, прямо в саду из разогревшейся за день бочки, закрепленной на столбах среди яблонь и выкрашенной в черный цвет для лучшего солнечного разогрева, все садятся ужинать. Это тоже здесь же в саду на принесенных из дома стульях и табуретах, за покрытым белой скатертью и прозрачной клеёнкой столом.

Под фонарь, который подвешен на проволоке, протянутой между грушей и антоновкой, слетаются комары и ночные бабочки со всей округи. Но на них уже никто и не обращает внимания, машинально отмахиваясь от вампиров веточками березы или пучком глухой крапивы. Идет трапеза, позвякивают стаканчики и завязывается разговор.

Первые звезды, поблескивая сквозь нависающую листву, слушают и слушают бесконечные истории, рассказы и жизненные случаи, дыхание и биение сердец близких людей встретившихся после долгой разлуки, людей, которые никак не могут наговориться и насмотреться друг на друга!

Усталая сладкая беззаботность и опустошенность одолевают тело и душу, когда нечего желать и некуда спешить. Заполняют они сердце, и хочется продлить и продлить этот миг неведомого блаженства и умиротворения, окутанного полузабытым запахом отчего дома, яблок и маттиолы, теплотой выпитого вина и густотой ночного воздуха, который, кажется, можно пить, а не вдыхать!

Кузнечики, дорвавшись до благодарных слушателей, оглушительно гремят невидимым своим оркестром в темной зелени сада и огорода, обрызганной первым лунным серебром. Где-то дальше, там, за темными силуэтами огромных столетних вязов, уже зазвучали медью первые мелодии другого духового оркестра на танцевальной площадке старинного городского парка.

На западе еще горит полоса заката, постепенно уступая место звездному бархату, но она не исчезнет совсем, нет! Затаившись и спрятавшись за деревьями, за туманными лугами и далеким чернеющим лесом, неслышно скользнёт она по краю земли и, обойдя полсвета, с новой силой выплеснется из-за горизонта и возвестит сонному миру о рождении нового дня. Но это будет утром, а сейчас ночь, она только начинается, и в очередной раз кажется, что будто именно сейчас и начинается жизнь!

Темный парк, укрытый от любопытного внимания небес кронами могучих тополей и лип, как любовное ложе балдахин, призывно светится изнутри. Дощатое ограждение танцплощадки делит этот нетерпеливый мир на свет и тьму, на радость и ожидание, на участников и зрителей.

А вот и сам директор парка, его смотритель, сторож и гроза мальчишек – хромым дядька Панас, который неумоимо барражирует привычным курсом, нарезая боевые круги по аллеям между кустами акации. Он здесь хозяин, его работа очень важная и ответственная – наблюдать за порядком.

Духовой оркестр, расположившись на длинных зелёных скамейках в специально отгороженном углу справа от будки администратора, играет и играет вальсы и фокстроты, танго и польки, мелодию за мелодией, делая небольшие перерывы каждые полчаса.

Мелкие пацанята, в очередной раз окрутив бдительного Панаса, просунули стриженные белобрысы головы между досок и, оценивая, заглядывают под платя барышень. Пустив «по кругу» одну сигарету на всех, сопливые ценители прелестей громко обмениваются мнениями по этому серьезнейшему вопросу, но, заметив хромого стража, мгновенно растворяются в толпе и кустах, чтобы уже через минуту прилипнуть к танцплощадке с другой стороны.

На ступеньках у входа постоянная очередь с билетами в руках, а на встречу ей протискиваются парочки, уже успевшие удачно реализовать возможности танцевальной встречи и наметившие себе более интересное продолжение ночи.

Очередь постепенно сливается с водоворотом танцующих, а встречные счастливики, с горящими лицами, держась за руки, растворяются в темных аллеях. Остальные соискатели счастья, проводив их завистливыми взглядами, с новой силой бросаются на штурм танцующего бастиона, музыка, смех и веселье в котором закончатся только далеко за полночь.

Ну вот, наконец, все стихает, стихает и стихнет, и только редкие фонари будут освещать теплую зелень акаций ночного парка, в самых отдаленных уголках которого долго ещё будет слышен то, смех, то приглушенный разговор, то шелест листвы и одежды, то страстный шепот, то томное дыхание...

Да, любовь и молодость будут безраздельно властвовать в этом ночном, пропитанном лунным светом мире, пока утренняя свежесть не охладит уставшие руки и губы, и в ожидании новой встречи уже днем на пляже у Трех Сосен не отпустит их, еле живых, поспать хотя бы несколько часов.

Господи, неужели всё это было!?

В белом платье с пояском
Я запомнил образ твой,
Над обрывом босиком
Бегали мы с тобой...

Разве напрасно луна плыла,
Разве встречались с тобою зря,
Разве напрасно любовь была?
Нет, всё забыть нельзя, да, да, да...

Но вот рука выпустила руку, промелькнуло белое платье в синий горошек, и последняя калитка, тихо скрипнув, закрылась. Счастье, с сияющими глазами и колотящимся сердцем на цыпочках проскользнуло в спящий дом, и все смолкло.

Туманная пауза безвременья повисла над спящей землей, на мгновение остановив жизнь. Страшно дышать, чтобы не нарушить это безмолвие. Не ночь и не утро, ибо оба они сейчас

затаились в росистой траве для передачи дежурства. Это тишина до первого звука... Каким же он будет?

Ну, наконец-то! Звякнула клямка на калитке, и бабка Лапханиха вышла из неё с пустым ведром. Куда только чёрт несет её в такую рань? Даже Митька Карман еще не поехал на рыбу, впрочем, теперь уже не важно это.

Вот он, новый день! И день этот летний, а летний день – это не только сады и огороды, ремонт и стройка.

Летний солнечный день – это река, загар и купание, это луг с футболом и волейболом, это лес, пропитанный сосновым бальзамом, и, конечно же, пляж у Трёх Сосен, где на вершине песчаного откоса, как раз под этими соснами и расположился буфет Паши Грека.

Никто толком не знал, откуда появился в городе этот парень лет двадцати пяти – тридцати. Рослый, стройный, с прямым красивым профилем лица, светловолосый и с голубыми глазами! Одним словом – грек! Поговаривали, что родители его греческие коммунисты и бежали они от «хунты чёрных полковников» в Среднюю Азию, а уже оттуда Паша, любитель путешествовать, попал сюда.

Буфет имел непосредственно сам ларёк, рядом с ним роскошный огромный стол с лавочками по бокам и навес от солнца и дождя. Все эти конструкции были выполнены из стволов молодых сосенок, умело подобранных и подогнанных самим Пашей.

В буфете было всё необходимое для расслабленного и недорогого отдыха. А именно, был «Солнцедар» в трёхлитровых банках по 8 рублей 40 копеек за банку, или в разлив по 30 копеек за 100 грамм. Главное достоинство этого напитка, дорогой читатель, заключалось в двадцатиградусной крепости и небольшом содержании сахара. Внешне, правда, «Солнцедар» напоминал что-то среднее между краской и дёгтем, но могу поклясться авторитетом очевидца, что был он, в своё время, необычайно популярен в народе. Закуска подбиралась в основном с огорода и базара, а табачный ряд составляли местные «Памир», «Прима» и «Беломор», а также болгарское «Солнышко» и «термоядерный» кубинский «Партагас» в ядовито-красной пачке!

В общем, друзья мои, всё было вовсе не дорого, а организовано просто и великолепно!

Посетители, иногда правда уже ползком, спускались от злачного места по песчаному склону к воде, там отмокали, приходили в себя, постепенно трезвели и со свежими силами поднимались к сосновому оплоту праздности и благодушия!

Да, славные были времена, тем более что Паша отпуская в долг, а это, сами понимаете, дорогого стоит. Попробуйте, друг мой, поискать нынче такие трепетные отношения в народе и вам всё станет понятно.

Тем временем на другом, луговом берегу, стоял гомон, летали мячи, парашютики бадминтона, отдыхали велосипеды, накрытые штанами и футболками, а кое-где мотоциклы, и иногда даже с коляской.

На обрыве, прямо над кувшинками, что притаились от жары в тени берега, шло карточное сражение в «козла», где пролетарская трэфовая шестёрка в революционном задоре выслеживала и ловила заносчивую, глупую буржуйскую трэфовую даму, местонахождение которой приговорённые обладатели тщательно скрывали, передавая её друг другу накануне очередного раунда игры, всячески пытаясь запутать соперника.

Сражение шло трое на трое. Зрители обступали играющих плотным кольцом, потому что финал имел сумасшедшую интригу. Проигравших брали за руки и за ноги, раскачивали и на счёт «три» бросали с обрыва в воду, прямо в кувшинки!

Посмотреть на это зрелище собирался весь пляж. Народная память надолго сохранит для потомков имена этих легендарных людей, многие из которых слыли не только отчаянными местными хулиганами и любителями Пашиного заведения, но были они замечательными спортсменами, гордостью родного города, да и просто хорошими пацанами! Какие имена: братья Чирки, Цмык, Брижи, Тато... Музыка!

А между этими двумя берегами неторопливо несла свои тёплые хрустальные воды ласковая река, посередине которой лежала на боку старая будка автолавки с выбитыми окнами и дверью, на которой сидели, сами понимаете кто.

Они мнили себя «ихтиандрами» и, цепляясь трусами, бесстрашно протискивались в узкие окна на глубине, ставя бесконечные рекорды друг перед другом и часами не вылезая из воды. В конце концов, с посиневшими губами, стучащими зубами, покрытые «гусиной кожей», мальчишки выползали на песок у подножия трёх вековых красавиц и, как ящерицы, зарывались в горячий песок, с блаженством подгребая его на себя. Песок был чистый и почти белый на солнце. Чаще всего в нём попадались высохшие сосновые шишки и иголки, но иногда кусочки кварца или даже мрамора и загадочные «чёртовы пальцы» – следы ударов молнии в песчаный берег во время грозы.

Дождаться эту шпану дома было невозможно. К вечеру они перебирались от леса поближе к городу, на Крутые или на Островок, к торчащим из воды чёрным палям, чудом сохранившимся от старого моста, построенного лет триста тому назад, и который уже лет сто, как перестал быть мостом. Там, среди ивняка, на изумрудной траве со следами пребывания гусей, которые и ночевали здесь же неподалёку, они разводили костёр, жарили на ивовых прутьях рыбу или сало, пекли картошку, рассказывали страшилки, небылицы и курили копеечный «Памир». Выросшие среди этой тёплой зелени и воды, как в колыбели, они беззаботно наслаждались детской свободой летом и даже не допускали мысли о том, что всё это когда-нибудь кончится.

Наконец, уставшие от самих себя, они приплетались домой, мыли ноги, ужинали, чтобы через какой-то час раствориться среди акаций вечернего парка, куда начинала подтягиваться молодёжь со всего города. Музыканты на танцплощадке не спеша настраивали свои инструменты, а хромой страж и хозяин дядька Панас уже вышел в свой ночной дозор, на патрулирование очага культуры и отдыха.

Но вот нестройное бормотание труб, альтов и баритонов смолкло, тромбон ещё раз протяжно посмеялся над витиеватой руладой кларнета и уже через минуту под кронами лип и тополей плыл первый вальс, обласканный и окрылённый медью духового оркестра, а оживившаяся пёстрая толпа платьев и рубашек повалила в огромный ярко освещённый круг с лавочками по периметру.

Зажат в руке драгоценный билет за 30 копеек – стоимость ста граммов «червивки» или двух буханок чёрного хлеба... Смешная цена, друзья мои, за возможное счастье, не правда ли!?

Минова здание вокзала, Юрий вышел на задний двор, рядом с которым проходил большак, ведущий в город. Дорога эта была одновременно и центральной улицей станционного посёлка.

За прошедшие годы дома покрылись железом, а их стены, во многих дворах, были обложены белым кирпичом. Проезжая часть приобрела асфальт, по которому, однако же, как и в прежние времена, бродили куры, а в ручье у криницы деловито суетился утиный табор. На окнах, за сетчатыми палисадниками, висели всё те же белые кружевные занавески, и цветы в горшках всё так же, с деревенской застенчивостью и любопытством, смотрели на проходившую мимо жизнь.

Апранин легко и неторопливо шёл, с детским интересом разглядывая эти бесхитростные сюжеты, будто бы сошедшие с картин Куинджи, но только в современной интерпретации, с проводами и антеннами.

Станция осталась позади, и было слышно, как отходит поезд. Уже через минуту за домами проплыли синие вагоны, весело набирая скорость, и Юрий увидел свой шестой вагон. Он попытался даже отыскать окно купе, в котором ехал, но не успел – поезд пошёл быстрее.

Вспомнилась прошедшая ночь, размеренный стук колёс, блики, проплывающие по стенам и огоньки за окном. Внезапно перед глазами предстало лицо той спящей девушки, бледное

и прекрасное, её полузакрытые глаза и разбросанные по подушке волосы. Её появление в ночном поезде было так необъяснимо, а ещё более загадочное, почти мистическое исчезновение утром так неожиданно, что невольно возникал вопрос, а было ли всё это на самом деле?..

Тепловоз выпустил в небо столб чёрного дыма, звучно, как теплоход, уходящий в океан, прощаясь, прогудел и мимо пролетел последний вагон. Вдруг в окне тамбура мелькнуло то самое лицо, которое он теперь смог бы узнать из тысячи. Ему даже показалось, что девушка что-то говорила, глядя в его сторону, и улыбалась. Невероятно, но он даже различил цвет глаз, которых ночью не видел. Что-то тревожно оборвалось в его груди и похолодело. Снова мысль о том, что он уже где-то видел эту сероглазую, и не просто видел, а давно знает, застучала в висках. Но где и откуда, он вспомнить не мог.

Поезд скрылся за лесом и всё стихло. Апранин, медленно и отрешённо брёл по пыльной обочине, глядя себе под ноги, что-то силясь вспомнить и не замечая, что посёлок уже кончился. Из низин потянуло прохладой, а впереди, на темнеющем синем куполе небесного свода, проклюнулись первые звёзды.

Да... Ну, как бы там ни было, всё-таки здорово, что он вернулся на свою малую родину, вернулся в близкие сердцу места, где вырос. Юрий поднял голову и, отмахнувшись от мистики, зашагал веселее. Вокруг было лето, воспоминания вновь овладели его сердцем и разумом, и он окунулся в них безоглядно.

Мост

Снова лето и строится мост. Это была целая эпопея!

Старый-то мост был бревенчатый, на низких почерневших от времени и постоянной сырости деревянных сваях. Соединял он два пологих, поросших травой берега неширокой, метров

тридцать – сорок, и неглубокой, метра полтора – два реки с чистой прозрачной водой. Дно её было песчаное, изредка украшенное длинными, как змеи, зелеными водорослями.

В весеннее половодье настил моста сдирало льдинами, оставляя более бесполезными ряды осиротевших свай, которые называли здесь палями. Каждый год после паводка мост приходилось восстанавливать заново.

Бывало, что река иногда поднималась, и летом, после проливных дождей, уносила на себе копны скошенного сена и заготовленные дрова. Тогда всё это добро счастливчики вылавливали уже ниже по течению. Через залитый мост транспорт шёл очень медленно и вслепую, ориентируясь по выставленным вешкам, а впереди непременно должен был идти человек. Луга превращались в плавни, которые быстро осваивались водоплавающей пернатой братией, и если высокая вода стояла долго, то те успевали даже вывести потомство.

Справедливости ради, надо сказать, что в ста метрах ниже по реке был здесь до войны другой мост – высокий, с перилами и мощными пологими дубовыми ледорезами у свай. Соединял он не луговую колею, заполненную то пылью, то черной торфяной грязью, а две высокие дамбы с дорогой наверху, вымощенной брусчаткой из дикого камня.

Но в военное лихолетье, при отступлении, его взорвали и сожгли. Завоеватели, в свою очередь, построили на этом же месте уже свой мост и в короткий срок построили, но, при отступлении, вынуждены были уничтожить и его.

Так, на долгие годы, остались зарастать ивняком и чертополохом две дороги, идущие навстречу и «в никуда».

Весной берега соединяли стальным тросом и пускали по этому тросу, как паром, старый трофейный немецкий баркас – единственное транспортное средство с марта и до конца апреля.

Трос гудел, как струна, перегруженный баркас кренился, бабки крестились, но люди ехали. Ибо как же не ехать, если жизнь остановить невозможно, а трос этот соединял городок с северными соседями и областным центром!

Ехали люди на базар и с базара, на работу и домой, за березовым соком и за подснежниками в апрельский лес, призывно зеленеющий над песчаным заречным обрывом. А вездесущие пацаны пытались пролезть на баркас всеми правдами и неправдами просто для того, чтобы покататься.

Весь город выходил на дамбу встречать ледоход и, надо сказать, посмотреть было на что!

Ещё накануне, почему-то обычно ночью, слышны были со стороны реки глухие далекие удары, как будто бы что-то взрывалось. Это вскрывалась река под напором талых вод, несущихся к ней по оврагам со всех берегов. Толстый потемневший лед с грохотом лопался и всплывал на поверхность, поднимая вихрастые буруны.

Огромное море мутной свинцовой воды, больше километра в ширину, до самого леса, а вверх и вниз без конца и края, несло на себе целые ледяные поля. Они с глухими ударами сталкивались, трещали и, наползая друг на друга, легко вспарывали берег, как банку консервный нож. Глыбы с остатками вмёрзших кустов и травы, толкаясь и переругиваясь, в конце концов протискивались между оконечностями дамб, чтобы снова вырваться на простор весеннего разлива.

Отчаянные пацаны прыгали на лед, перескакивали с льдины на льдину, поглядывая на девчонок, стоящих над водой, и смеялись и выпендривались, как только могли. Иногда «подвиги» заканчивались вынужденным купанием, но это только прибавляло доблести в глазах сверстниц.

На лодках среди «айсбергов» решались плавать лишь немногие, поскольку вдали от берега, в случае кораблекрушения, помощи ждать было бы неоткуда, и судьба «Титаника» была обеспечена.

Особенно оживленно на этом, пролегающем по дамбе, «бродвее» было вечером, ну прямо как на приморском бульваре в бархатный сезон! Несколько чудом выживших фонарей рваной цепочкой робко обозначали направление из города и создавали романтическую подсветку дороге, которая шла через океан к его середине.

Девушки, взяв друг дружку под руку, прогуливались по ней в коротких курточках или пальто, тоже, конечно же, коротких и в аккуратных невысоких резиновых сапожках. Они щелкали семечки и украдкой поглядывали вокруг. Парни, как правило, шли сзади. Те тоже были в резиновых или кирзовых сапогах, но с лихо завернутыми пониже голенищами. Они громко разговаривали, пытаясь изо всех сил обратить на себя внимание остроумием, ну или тем, что у кого в арсенале было. Иногда, оценивая мужские интеллектуальные усилия, барышни громко хихикали, но дальше этого дело не шло, поскольку любые публичные поползновения к сближению, дорогой читатель, в те целомудренные времена были просто немыслимы.

Высшим пилотажем, для пацанов было иметь, при таком дефиле по «бродвее», радиоприемник типа «Спидола». Но еще круче, конечно же, был магнитофон, такой, как, например, «Маяк». Первые

катушечные, снабженные упругой коричневой магнитной лентой «тип б», которая ломалась при сгибе, как щепка, они только, только стали появляться и весили как небольшой холодильник, причем львиную долю веса такого аппарата составляли батарейки, которых активно хватало на один вечер!

Питание садилось, магнитофон тянул, а Высоцкий, и так неразборчиво записанный с десятой перезаписи через примитивный микрофон, подсоединённый при помощи спичек, хрипел еще сильнее, но зато на всю округу. Битлы и «шейк», звучавшие на такой технике в темпе похоронного марша, тем не менее, добавляли апрелю новизны и романтики, и все получалось!

Так что нужно отдать должное самоотверженности, мужеству и изобретательности пацанов того героического поколения в условиях неудержимого весеннего брожения одуревших гормонов!

В общем и целом, конечно, половодье и ледоход на реке, в эмоциональном значении, были событием очень значительным, даже знаковым в достаточно однообразной и приземлённой провинциальной жизни. Глядя на бесконечную, уходящую к ночному горизонту лунную дорожку, вдыхая прелые запахи пробуждающейся природы, хотелось не просто жить, друзья мои, хотелось любить!

Но мост был нужен позарез.

Все понимали, что баркас может перевернуться, и что если этого до сих пор не произошло, то лишь только потому, что старая несчастная посуда никак не может решить, каким бортом зачерпнуть. Трос в любую секунду лопнет от страшного перенапряжения, которое и измерить-то невозможно в несущемся потоке ледяной воды, и стальная плетка, с усилием в несколько тонн, запросто отправит на «тот свет» всех, кого встретит на своем пути.

Но современный высокий железобетонный и всесезонный (!) красавец – мост..! Стальная недостижимая мечта, этот сон, покрытый асфальтом и с перилами, эта возделенная гордость, длиной в сто метров, для глухого районного городка?!. Это все равно, что метро для чукчи.

Однако помог случай и патриотический поступок генерала-строителя, выросшего в этих краях, любившего своих земляков и сумевшего толково обосновать и объяснить «непробиваемому» командованию военного округа стратегическое значение дороги, периодически разрываемой сезонными обстоятельствами. Немногочисленные, но веские доводы умного человека и авторитетного специалиста, сыграли свою решающую роль, и чудо произошло – строительство внесли в план, а вскоре и приступили к нему.

Были подняты прежние строительные документы и проведены дополнительные изыскания, сделаны расчёты и выполнен проект, определены подрядчики и выделены деньги. В короткий срок в район строительства была передислоцирована и там расквартирована инженерно-строительная воинская часть, вслед за ней прибыла техника, и началось!..

Сперва–наперво, был утоплен бульдозер. Солдат – водитель, к счастью, все же успел выскочить, но с перепугу вторично сиганул не в ту сторону и опять едва не утонул. Трудно было судить, что именно послужило причиной происшествия: нерасчетливость ли бульдозериста, ползущий ли песок, большой уклон или все вместе взятое. Огромный землеройный механизм, с неторопливостью слона, укоризненно похрюкивая ржавой трубой в адрес человеческой безопасности, плавно и безвозвратно ушел под воду в небольшом, шириной метров тридцать, но очень глубоком заливе, на южной оконечности дамбы. На дне этого залива били ключи, и вода в нем, даже в тропическую жару, была не просто холодная, а ледяная, да настолько, что все попытки военных и местных «искателей жемчуга» донырнуть и завести трос приводили лишь к синюшным судорогам и зубной дроби.

Жестокая и неотвратимая месть военных последовала незамедлительно, и коварный водоем, вместе с похороненным трактором, в течение недели засыпали песком. Как говорится, концы в воду и слёзы в песок!

Итак, друзья мои, строительство началось.

Правда, вначале собственно само строительство не совсем началось. То есть, оно, конечно, началось, но, как бы это помягче сказать, в несколько другом тактическом направлении, поскольку началось оно с оккупации женского контингента города голодными солдатами, что вызвало справедливое возмущение со стороны местной шпаны. Выяснение отношений безусловно и незамедлительно состоялось и состоялось, как водится, бурно, разумеется с мордобоем, и не раз.

Но, как всем нам хорошо известно, дорогой читатель, женское примирение заканчивается обоюдными слезами, причитаниями и истерическим размазыванием макияжа, а мужское,

совершенно верно, пьянкой! Вот и здесь, в конечном счете, было выпито очень много водки, и все завершилось пьяным братанием, сдержанной мужской дружбой и пониманием ситуации.

Надо заметить, что любовное нашествие военно-строительных гренадеров, несомненно, составило простое человеческое счастье некоторым местным уроженкам. Выйдя замуж, они уехали со своими сужеными на «дембель», безусловно, обогатив тамошний генофонд и при- дав ему, однообразному, колорит покинутой малой родины, включая неповторимый диалект, замешанный на особенностях лексики трёх братских славянских народов.

У местных же мальчишек, кроме крайне обострившегося желания немедленно рвануть в армию, на память от военных остались значки, пилотки и эмблемы, выменянные на яблоки, огурцы и сигареты, а у Юрки Апрапина остались даже котелок и солдатская фляжка. Он их поменял на старую отцовскую парусиновую шляпу, несколько лет без толку висевшую в сарае среди верёвок и мешков, но получившую «вторую жизнь» после того, как она была «по-мушкетёрски» изогнута и сложена клинышком вперёд.

Вот такая вот стройка получилась, масштабная во всех отношениях и, как вы уже дога- дались, по местным меркам доселе невиданная.

Русло реки сузили к противоположному берегу до десяти (!) метров. Осушенную часть подготовили, засыпав речным песком и разровняв. Два участка под быки-опоры окантовали стальными переборками, внутри которых вырыли котлованы, туда забили сваи, связали их арматурой и забетонировали. Выведя основание выше среза земли на метр, установили высо- кую опалубку и, соорудив в ней металлическую конструкцию, всё снова залили высокока- чественным крепчайшим бетоном. Когда же дощатое обрамление сняли, миру явились два мощных «быка», две красавицы опоры, благородного светло-серого цвета, с железными пло- щадками наверху. Можно было начинать монтаж.

Фермы моста свинчивали болтами, устанавливая их на промежуточные временки, и для местной шпаны они, стоящие на «быках», узкие, шириной сантиметров по тридцать, были экстремальным испытанием на смелость. Риск пройти по ним на головокружительной высоте над водой и ивняком, обрамлявшим берега, притягивал как магнит. Слабо ещё закреплённые, они дрожали и покачивались, порывы ветра здесь казались ураганом, сердце уходило в пятки, но ничто не могло остановить мальчишеское бесстрашие.

Давно всем известно, дорогие взрослые, что нет ничего на свете лучше, чем игра на какой-нибудь стройке, где гоняет сторож, где оставленные машины и механизмы, лабиринты недостроенных комнат, этажей, подвалов и перекрытий создают необыкновенную почву для детской фантазии. Поэтому и мост, в свою очередь, был излазан вдоль и поперёк, пока на него не уложили скучный настил и не сделали перила, всё испортив. Были ещё, правда, попытки походить по этим перилам, но не надолго и, в общем и целом, интерес к новоявленному мест- ному «чуду света» вскоре сошёл «на нет».

С возведением нового моста изменились и подъездные дамбы.

Так «бродвей» подняли на несколько метров и значительно его расширили. Он получил асфальт, и высокие тротуары, окантованные бордюрными плитами. Наконец, был поставлен стройный ряд серебристых фонарей, осветивших не только дорогу, но и сам мост, парящий теперь в неоновом свете над рекой, а также проезжую часть, метров сто, на противоположной стороне.

Склоны обложили плотным травяным дерном, предварительно выведя с асфальта дре- наж, который заключили в бетонные желоба, уходящие вниз к кустам. Дамбы, расположенные якорем и прилегающие непосредственно к несущим фермам, полностью покрыли железобе- тонными плитами, связали плиты толстой арматурой, а основание самого сооружения надёжно забетонировали.

Получился мост мощный, крепкий, с высокими прямоугольными конструкциями, стяну- тыми тысячами стальных болтов, и, в тоже же самое время, ажурный и легкий, взлетевший над

кустами, камышами, жёлтыми кувшинками и белыми водяными лилиями, которые с тех пор навсегда облюбовали себе место в спокойной тени его.

То, что сама природа приняла это творение рук человеческих как свою часть, без неприязни и отторжения, говорило само за себя. Говорило о том, что поступок земляка генерала-строителя оценен на самом высоком духовном уровне.

Однако, к большому и горькому сожалению, на уровне командования, после пуска объекта в эксплуатацию, реакция была совсем другой. Была она завистливой и местнической. Какого-то важного самодура, властного, ревнивого, и, видимо, в интересах дела, резонно обойденного, «задушила жаба». Решение о строительстве задним числом пересмотрели, признали ошибочным, а командира дивизии, инкриминировав ему волюнтаризм (ох, уж эта хрущевская оттепель!), земляческие чувства и кумовство, уволили в отставку, о чем он, кстати, в последствии ни разу не пожалел!

Прошло много лет с тех пор.

Нет уже, к сожалению, доблестного генерала, верного сына своей малой родины, как уже, наверно, нет и тех «важных командиров дуболомов», осудивших в человеке любовь к своей земле, и даже, как потом оказалось, дальновидность «государева человека», а мост—красавец и великий труженик есть! По нему идут машины и люди, с него ловят рыбу и любят ледоходом, на нем назначают свидания и под ним же влюбляются! Белые лилии, покачиваясь на теплой воде уже другого, мелководного и уютного залива, загадочно светятся в тени его и огромная человеческая благодарность, растянувшаяся на многие десятилетия, пробуждается в сердце каждого, кто ступает по его слегка потрескавшемуся асфальту.

Теперь, друзья мои, здесь проложен таможенный маршрут (!), и большегрузные бродяги автомобили, торопясь на юг, к тёплому Черному морю, ласкают упругими шинами надежную его спину, и мост стал-таки стратегическим!

Впрочем, может ли быть, дорогой читатель, какая-то другая стратегия, кроме той, что позволяет соединить разобщённое, приблизить далёкое и просто служить трудолюбивым, добрым и талантливым людям, которые многими и многими поколениями жили, живут и будут жить на этих великолепных, живописных зелёных берегах!

Забросив сумку за спину и увлечшись воспоминаниями, Юрий шагал легко и быстро. Он даже не заметил, что стационарный посёлок скрылся из виду, и дорога теперь проходила среди полей невысокой ещё пшеницы или ржи. Среди этого, величаво перекатывающегося из дали в даль, жёлто-зелёного моря, синими искорками кое-где вспыхивали васильки, а вдоль обочин весёлыми девичьими стайками бежали ромашки. Лиловые, сиреневые и бело-голубые высоченные кисти люпина, предусмотрительно подальше отойдя от пыльной дороги, горделиво и надменно покачивались в тёплом июньском воздухе.

Вечернее небо поднималось Апринину навстречу. Остывающее солнце, намаявшееся за день от собственного усердия, лениво катилось на ночлег, постепенно уступая место прохладе и великодушно позволяя одуревшей от жары природе отдышаться за короткую июньскую ночь.

Из-под ног, из придорожной травы веером сыпались кузнечики, путь продолжался, и воспоминания тоже.

Сладкое сиротство

Да, лето! Июнь дошёл до точки кипения...

Пляж на реке практически повсюду.

Берег шумит и суетится на Грибовке. Там, на просторной, ровной как стол, поляне организована волейбольная площадка. Сетку никогда не снимают, мячи не прячут и ничто никуда не девается.

Любители уединения и парочки расположились на Островке, в зелёном «раю», среди ивовых кустов и изумрудной густой травы вдоль воды. Там много укромных мест и ещё больше комаров.

Гусиный пляж, облюбовали семьи с детьми. Плоский песчаный берег даёт хороший обзор, а река с золотистым чистым дном и глубиной не больше метра позволяет детворе всех возрастов безопасно резвиться «на всю катушку».

На Крутых, напротив Гусиного пляжа, спасу нет от мальчишек. Это и понятно, ведь на лугу размечено футбольное поле с настоящими воротами, а сам берег высокий, обрывистый, да ещё и с трамплином из толстой длинной доски, откуда так здорово нырять и прыгать.

Но особенно людно, конечно на главном городском пляже у Трёх Сосен, где яблоку негде упасть!

Самая же серьёзная и солидная публика, дорогой читатель, включая приезжих с палатками, расположилась ещё дальше вверх по течению на Боровне, где река, упёршись в лес, делает крутой поворот вправо и у неё нет дна. Высоко над рекой на обрыве шумит сосновый бор, а внизу бьют ключи, и поэтому вода на глубине ледяная. Вдоль противоположного берега, под водяными лилиями и кувшинками, в зелёных подводных джунглях, вытаращив глаза, стоят щуки величиной с крокодила. Там великолепная охота с подводным ружьём, маской и ластами.

Автобудка по-прежнему лежит в реке под Тремя Соснами на боку, и только вершок над водой торчит.

На зеленом правом берегу старшие пацаны режутся в карты, в «козла», и проигравших, раскачав, как всегда под радостные крики и вопли отдыхающих на счёт «три», бросают с обрыва в воду, причём счёт хором ведёт весь пляж!

На другом высоком берегу с песчаным откосом, амфитеатром, развернувшимся к югу прямо под палящее солнце, как обычно, добродушный Паша Грек (дай Бог ему здоровья!) сидит в своём буфете.

Неутомимый и обстоятельный Митька Карман неторопливо плывет против течения на своей лодке в сторону Боровни, где, как уже было сказано, «нет дна» и бьют ключи. На корме Митькиной плоскодонки лежит явор, свесившись к воде, торчат удочки, и пока ещё скучает укрытая мешковиной небольшая сетка «топтуха» с половинкой кирпича, привязанной в качестве грузила.

Вдоль реки, у кромки леса, пролегает заросший ивовыми кустами и травой противотанковый ров, который в военное лихолетье копали всей округой и стар, и млад, а над ним в тёплой летней синеве шумят красавицы сосны. Весь лес испещрен старыми окопами, траншеями и воронками, засыпанными сосновыми иголками. Только копни рыхлый игольчатый наст, и найдёшь в прохладном песке ржавые гильзы, и станет жутковато от несоответствия всей этой летней красоты и благодати тому холодному и кровавому отголоску, который природа упокоила здесь.

Начиная с мая, всё лето – маёвки, праздники на природе, буфеты в лесу над рекой, где «о Наташе» поет Сашка Зеня, и где на День молодёжи утонула Люда Ступакова, Юркина одноклассница.

Сколько черники на опушке у Боровни, а земляники в Липенке и малины в веркеевском Сосоннике!

Ближе к осени грибы и открытие охоты на старых вадьковских торфяных карьерах и в Конопельках, о чём начинаешь вспоминать и думать тогда, когда последний летний месяц перевалит за середину.

С августом заканчивается летнее благодущие, и школьный двор постепенно наполняется бегом и голосами.

Первое сентября! Как правило, это солнечный день, почти гусарский праздник «золотого на голубом»! Это день белых бантов и школьных кружевных передничков, белых руба-

шечек и воротничков, букетов георгинов, восторженных встреч, пахнущих свежей краской класов, новых портфелей с новыми учебниками и чистыми тетрадками. Это день, дорогие мои, искреннего стремления учиться с чистого листа и только на «хорошо» и «отлично»!

В школьном палисаднике – разноцветные ромашки и буйство «золотых шаров» на грациозно изогнутых стеблях, свешивающихся за невысокий зеленый заборчик из заостренных дощечек. На ярких ладошках ромашек, как на аэродромах, беззаботно гудят бестолковые альфонсы–трутни, выгнанные накануне осени из пчелиных ульев на «вольные хлеба».

Несмотря на то, что все соскучились друг по другу, по учителям, по школе и даже по занятиям, эмоциональный хвост беззаботного лета ещё будет тащиться за ними весь сентябрь. Только затяжные холодные дожди и октябрьская серость окончательно поставят крест на летней сказке.

А пока пойман трутень, к его лапке привязана нитка и маленький бомбардировщик выпущен в классе в свободный полёт. Не имея возможности из-за нитки совершить посадку, он будет часами барражировать под потолком с характерным для тяжёлого самолёта гулом, и ни о каких занятиях речь, конечно, идти уже не может. Всё внимание к несчастному насекомому и задача одна – изловить! Производятся попытки, даются советы, и как бы это уже и не каникулы, но ещё, вроде бы, и не учёба, а игра в школу. И преподаватели ещё улыбаются, и маленькая хитрость, пожалуй, удалась, и обманули осень, да вот только не на долго.

Но стоит ли грустить, дорогой читатель, ведь небо синее и высокое, и дышится прохладно и легко.

Раскрасневшись от сентябрьского остывающего солнца, клёны и рябины соревнуются с вечерним закатом, пытаясь сжечь последние осколки лета. Золотом завален школьный двор и парк по соседству, грибов и орехов целый лес, и уже открыта утиная охота.

О лете воспоминания всё реже и туманнее, всё заполняется сегодняшней реальностью, а впереди ведь снова ожидание и обновление – зимняя сказка и Новый год!

Зимой до самой ночи хоккей на болотах возле Алика Бориска, когда уже и шайбы не видно. И рыбалка подо льдом на Ямине, где шуки, как подводные лодки, медленные и ленивые в тягучей ледяной воде видны, как за стеклом в аквариуме.

Ах, молчи, грусть, молчи! Кто «плавал – тот знает»! Эта осточертевшая «вторая смена», которая заканчивается около шести, когда уже темно и поздно! Ведь кино же в кинотеатре «Победа» начинается в пять, а на семь и на девять их уже не пускают, хоть умри! А идёт «Фантомас», а потом будет «Фантомас разбушевался» и «Три мушкетёра»! Катастрофа...

Но гвардия не сдаётся, на помощь приходит физика, и в классе на перемене вывёртываются лампочки. Разжёванная тетрадная промокашка вставляется под центральный контакт цоколя и лампочку на место. К середине предпоследнего урока промокашка от нагревания высыхает, контакт пропадает, лампочки гаснут и в классе темень! Освещение неисправно, оставшийся урок не спасти, он отменяется, и все в кино!!! На следующий день «фантомасов» в синих масках целый двор, а девчонки боятся заходить в тёмный Петьки Якубовича и Серёжки Микитюка подъезд, потому, что в кладовке под лестницей, где грабли и метлы, у этих разбойников штаб.

Апранин не думал, что преподаватели не догадывались об этих проделках, которые периодически повторялись в течение зимы, подозрительно совпадая с хорошими фильмами в кинотеатре.

Всё дело в том, что с учителями им очень крупно повезло, как, впрочем, и в целом с поколением взрослых, по которым лихие годы прокатились полной мерой, заставив ценить счастье в минутах, и рядом с которыми они росли в 60-х годах. Просто их учили и воспитывали хорошие мудрые люди, к тому же очень любившие и жалевавшие их, а это не пустые слова, потому, что в Юркином классе было три золотых медалиста (!) и, кроме того, все поступили, куда хотели!

Но это будет после, а сейчас катание после школы на санках и портфелях с райкомовской горки вниз до самой бани и, конечно, до самой ночи! А на санках рядом она в рыжеватой цигейковой шубке, и если в школе страшно даже заговорить, глядя в глаза, то в этом веселье и в суматохе можно и за руку взять и, падая, со смехом и ужасом даже обнять! И хорошо!..

А на лыжах – с Бусовой горы! Или на Веркеевке – от Трех Сосен по льду и через противотанковый ров, как через трамплин, и по замёрзшей реке хоть до самой Боровни!

А дальние походы до Буртоликова хутора к фонтану, где от воды, бьющей в небо выше леса из артезианской трубы, вырастали на морозе ледяные скалы, до боли в глазах сверкающие на солнце в зеленом обрамлении сосен!

А снежные крепости с ходами и «война» с деревянными автоматами, и Петя Якубович, рыбак, охотник и художник от Бога, их Петручио – бессменный командир...

Вечером дома топится печка, пахнет дымком, уютом и теплом. На ужин тушеная картошка в чугунке, капуста из погреба с луком и постным маслом, и хлеб, за которым в очередях стояли целыми семьями...

К слову сказать, не удивительно, что Уинстон Черчилль назвал Хрущёва самым умным человеком в мире, за то, что тот сумел оставить без хлеба самую богатую, самую большую и самую крестьянскую страну планеты.

Так вот, в очередях стояли подолгу, потому что продавали хлеб только в Продмаге, и только через маленькое окошечко, прямо на улицу. Продмаг находился возле парка, где танцплощадка, напротив старой водокачки, и очередь улицу пересекала несколько раз.

Попытки нахально пролезть вперёд, «на корню» пресекались бессменным наблюдателем всех местных очередей – дедом Галаганом. Он был высок, статен и физически довольно крепок, а главное был уважаем людьми, бескорыстен и никогда не пользовался своим положением. Каждую буханку резали на две части, по половинке в одни руки, и поэтому в очереди стояли семьями. Когда, спустя час–полтора хлеб заканчивался, дед Галаган последним получал свою половинку и все расходились.

Вечером, не смотря на дневные передряги, как всегда приходит умиротворение, особенно после ужина, каким бы он ни был, в зависимости от семейного достатка.

На стуле возле теплой грубки, свернувшись клубком, безмятежно дрыхнет кот Клеопатр, и желтый абажур с бахромой опустился над круглым столом. А на столе книга, последние письма и газеты. Все сидят в светлом круге, и мама вслух читает «Василия Теркина», только что опубликованного в «Известиях».

«Мишки» заигрались в своём буреломе на ковре, не обращая никакого внимания на расположенное напротив них огромное старое напольное зеркало, как дверь в неведомое. В нём тоже протекает какая-то своя загадочная жизнь, впрочем, очень напоминающая их ...

И врезавшийся в память шум примуса в коридоре, как шум дождя или шум моря, которого Юра никогда в жизни не видел, но очень часто рисовал его в своём воображении. Рядом с прыгающим синим пламенем сидит он, в отцовской телогрейке, поджав ноги в вязаных шерстяных носках, в зимних тёплых штанах из черного флотского сукна, и ёжится от ощущения сладкого сиротства, которое почему-то останется с ним на всю жизнь.

Потом снова весна, ледоход, прогулки вечером к реке по местному «бродвею» в завернутых сапогах. Пьянящий, прелый весенний запах, ручьи и запруды во рву возле дома Сережки Шведа и березовый сок необыкновенной вкусноты, собираемый в ржавые консервные банки, развешанные в Липенке на березах.

В апреле первое купание с огромным костром на берегу, первые подснежники, которые украдкой подбрасываются девчонкам в портфели, вызывая переглядки, записочки и тайные пересуды. Потом ландыши, и вот уже одуревший от черёмухи и сирени май пролетает на одном дыхании, врываясь в лето, в каникулы!

Под «райкомовской горкой»

Спуск от начала «райкомовской горки» к бане и к «Аликовым болотам» представлял собой дорогу, вымощенную булыжником. Горка эта получила своё название от расположенного здесь когда-то в двухэтажном деревянном здании местного райкома партии. Надо сказать, что рядом с ним за высоким зелёным забором раскинулся замечательный яблоневый и грушевый сад, возделенная мечта местных мальчишек, хотя своих яблок в каждом доме было, что называется, завались!

Охранял сад, равно как и само здание, старый партиец, дедок, вооружённый древним одноствольным ружьём, в стволе которого уже, как минимум лет двадцать, жили одни только пауки. Однако дед был ещё довольно резвый и очень даже проворно бегал в случае необходимости, что придавало погоне за малолетними налётчиками дополнительный азарт, грациозность, остроту и привлекательность.

Перелетев через забор на едином дыхании, как мартышки, и в очередной раз оставив ревностного стража «с носом», сопливые любители острых ощущений усаживались в кустах бузины на противоположной стороне дороги, хрустели своей добычей, набитой за пазуху, обменивались впечатлениями и ждали дальнейшего развития событий.

Однажды, засидевшись в своём убежище дольше обычного, компания увидела парня и молодую девушку, явно пытавшихся уединиться. Укрывшиеся в засаде, затаив дыхание и открыв рты, мгновенно оценили обстановку, притихли и приготовились наблюдать картину, куда «дети до 16-ти лет не допускаются».

Сначала парень целовал смущающуюся девушку, которая кокетливо как бы пыталась уклониться. Но вскоре она осмелела и, обвив его шею тонкими загорелыми руками, сама прижалась к своему приятелю.

Сидящие в бузине приняли растительный вид и не шевелились, а когда парень приподнял у девушки платье, и его рука заскользила по её ножке вверх, приоткрыв белые трусики, футболка у Серёги Микитюка выскользнула из шаровар, яблоки высыпались и, глухо постукивая, покатались на дорогу.

Да-а-а...?!?! Сцена мгновенно была испорчена, и кино кончилось.

Парочка же, смутившись, спешно ретировалась и пропала из виду, рванув в сторону школьного двора в заросли расположенного за ним парка.

На «виновника» же, скажу вам честно, смотреть было жалко. Совершенно уничтоженный случившимся, он, с видом побитой собаки, абсолютно безропотно воспринял полученный подзатыльник, сопровождаемый изысканными непечатными эпитетами.

Дорога, на которую выкатились злосчастные яблоки, уходила, как уже было сказано, вниз к бане, а по левую сторону её, примерно с середины спуска и как раз напротив дома и огорода Сергея Шведа, начинался довольно глубокий овраг, летом заросший крапивой и лопухами.

Ранней весной, когда солнце уже припекало так, что можно было увеличительным стеклом выжигать на деревяшке, этот овраг превращался в каньон с ревущими водопадами талой воды, которая, казалось, стекается сюда со всего города.

Тяжёлый мартовский снег был отличным материалом, и «юные гидростроители», надев высокие резиновые сапоги, с усердием, которому позавидовали бы даже бобры, сооружали плотины и запруды. Вода выходила из берегов промытой канавы и заливала всю мостовую. Прохожие недовольно ворчали, но перешагивали через творение пацанячьих рук, а изредка проходящие машины с шумом и брызгами разрезали колёсами снежные дамбы, выпуская вниз маленькое цунами, заставляя неутомимых и промокших до нитки «ваятелей» начинать всё сначала.

Уже закончилась весна,

Незримо превращаясь в лето,
Но осень далека, и плещется река,
Зеленой нежностью одета.

И жизнь переполняет мир
Непостижимо откровенно.
И шепчутся леса, песчаная коса
Следы смывает белой пеной.

Теперь не верится, что снег
Мне заметал двойные окна,
И день морозный догорал,
И вечер звезды рисовал на стеклах.

Вот и моя прошла весна,
И лето вроде на исходе,
Но осень не видна, и даже седина
Еще не серебрится вроде.

Еще так призрачен финал
И чувства возраста моложе,
Но замечаю я, что старые друзья
Мне с каждым годом все дороже!

Я больше век не тороплю,
Хотя в глазах огонь искрится,
И что-то возвращает нас в былое,
И в полночный час не спится...

Уже закончилась весна,
Уже закончилась весна.

Весна неотвратимо и плавно перетекала в лето, заполняя каждую клеточку пространства светливой жизнью, жужжаньем и чириканьем, буйством зелени и пёстрым дурманом всевозможного цветения! Огороды утопали в зелени, сады склоняли свои ветви через заборы к пыльным тротуарам, и в жарком недвижимом воздухе, казалось, запуталось и, обессилив, остановилось само время.

Давно известно, что поджигать, взрывать, вообще испытывать судьбу и искать приключения на свою голову и обратную часть тела – у мальчишек в крови.

Появлялись на свет подводные ружья с проволочными трезубцами и резинками из велосипедных камер. В загнутые с двух концов и прорезанные для запала трубки засыпалась адская смесь селитры, серы и древесного угля. Бомба закладывалась в подходящую нишу, чтобы посмотреть и оценить силу взрыва.

Два болта, стянутые гайкой, между которыми зажата сера, натёртая со спичек, являли собой осколочную гранату, ежели эту конструкцию грохнуть о кирпичную стенку. Болты и гайки свистели над головой как пули, но разве могли они попасть в них?!

В бутылку из-под шампанского заливалась на четверть объёма вода, заталкивался клочок сена, засыпался карбид и забивалась деревянная пробка, зажатая проволокой. Затем бутылка переворачивалась и с привязанным к горлышку камнем бросалась в речку. Так в глупых, стри-

женных головах выглядел способ глушить рыбу, которую в те времена можно было просто поймать трусами.

Детская бесшабашность мало давала себе отчёта в том, что они снабжали дно битым стеклом, на которое очень часто сами и попадали.

Все ноги и руки были изрезаны и исколоты в результате подобных экспериментов и испытаний, но процесс познания мира, как водится, остановить нельзя.

Одной из последних технических «разработок» был «подпикач», некое подобие пистолета-ружья, состоявшего из рукояти и закреплённой на ней медной трубки, загнутой с одного конца, и рядом с ним слегка пропиленной для запала. Более всего, конечно, для этого дела годилась трубка от тракторного двигателя, где, собственно говоря, и добывалась. Остаётся только догадываться, дорогой читатель, в каких выражениях звучали пожелания трактористов в адрес экспериментаторов.

Аппарат заряжался порохом с дула, забивался пыж, а в прорезь затиралась сера от спички и прикладывалась к ней целая спичка, прижатая к прорези петлёй, сделанной из гвоздика. Одним движением коробка поджигалась спичечная головка, воспламенялась серная передача и гремел выстрел.

Но, как известно, совершенствованию нет предела, и было сконструировано настоящее ружьё с курком и бойком из гвоздя, загнутого для зацепа при взведении. Испытания превзошли все самые смелые ожидания! Рубленая проволока впивалась в доски дверей сарая Серёжки Шведа как в пластилин, но это было не интересно и не зрелищно. Этого было мало, и пустоголовые охотники засели в густой малине, на краю огорода, напротив дороги, рва и «райкомовской горки», в ожидании подходящей мишени.

В это время ничего не подозревающий рыжий соседский кот, видимо, своей привычной дорогой, вышел из-за угла сарая. Помешкав секунду, он задрал облезлый дрожащий хвост, деловито пометил этот угол и, свернув в огород, пошёл по меже с бураками как раз поперек внимания оживившихся наблюдателей, метрах в десяти от них. Ботва от бураков почти постоянно закрывала кота, и лишь на короткие мгновения его силуэт появлялся в прогалинах.

И вот, когда хвостатый скрылся за очередное препятствие, ахнул выстрел. Пламя и дым полыхнули из малинника, как из огнемёта, листья над межой дрогнули и над ними взвился рыжий кошак с выпученными от ужаса глазами и стоящей дыбом шерстью. Начиная лихорадочно загребать всеми четырьмя лапами ещё в воздухе, кот, через мгновение приземлившись, прижав уши, почти не касаясь земли и не разбирая дороги, сиганул, как кенгуру, через огород. В два прыжка, преодолев дорогу и ров и, проделав вверх по склону «райкомовской горы» просеку вырванной с корнем травы, он взлетел на самый верх и, вытянув шею, как жираф, принялся дико осматривать окрестности. А в малине, задыхаясь от смеха и обливаясь слезами, лежали, дёргаясь в конвульсиях четыре малолетних придурка.

Детским эгоизмом и жестокостью можно оправдать многое.

Однако в последствии, особенно, когда Апранин жил уединённо и много лет под одной крышей с умным и добрым чёрным котом Принцем, он со стыдом и с горечью вспоминал этот случай. Держа кота на коленях и запуская руку в мягкую, тёплую шерсть, он мысленно и вслух очень часто просил прощения у своего маленького хвостатого друга перед всей котиной братией за человеческую глупость, жестокость и неблагодарность!

Осенью огород был убран, и только капуста да злосчастные бураки ещё сиротливо сидели в межах, дожидаясь своей очереди. Картошка была выкопана и сухая ботва её, собранная в кучу посреди огорода ждала сожжения.

Оголились длинные брёвна, лежащие вдоль дорожки, ведущей от сарая, мимо дома, к калитке. Летом они были опутаны усатым горохом и спрятаны в его зелени. Теперь, вросшие в землю, почерневшие от дождей и покрытые снизу мхом, как пали моста, лежали они, вечно

для чего-то нужные и обречённые в очередной раз здесь зимовать и, видимо, сгнить в конце концов вместе со стареющей усадьбой.

Полтора десятка кур, сидевших всё лето в заточении за сеткой и вынужденно давивших в себе яростное желание раскопать грядки в огороде, теперь свободно и деловито ходили и рылись, где хотели. Во главе этого гарема был большой цветастый петух, по прозвищу Гуляш, с большим и широким малиновым гребнем, заломанным на одну сторону, как казацкая папаха.

Дело в том, что, ещё едва оперившимся цыплёнком, он проявил себя как отъявленный драчун и агрессор, но именно за эти мужские качества не был отправлен в суп, а, наоборот, оставлен из подрастающих петухов хозяином куриного семейства. По мере своего взросления он бесстрашно клевал всех подряд, за что и был прозван Гуляшом, именем, в котором, видимо, выражалось самое искреннее пожелание окружающих относительно его будущего.

Ближайший брат и конкурент Гуляша жил у соседей, чуть выше по склону огорода. Он был белого пера, с большим высоким ярко-красным гребнем, длинными ногами, звучным голосом и не менее звучным именем – Удод. Он, видимо, очень гордился своим белым происхождением и не упускал ни одного случая улучшить породу в гареме Гуляша в его отсутствие.

И вот однажды, когда Гуляш, на пару с очередной «любимой женой» скрылся за брёвнами, белый кавалер, вероломно перескочив границу, дерзко вторгся в чужие владения и, ничуть не мешкая, взгромоздился на ближайшую хохлатку, которая тут же предательски присела, растопырив крылья и хвост.

Как известно, куриная любовь – это минутное дело, и «рогатый» Гуляш застучал уже третье или четвёртое поползновение любвеобильного соседа. Не помня себя от ярости, он рванулся к похотливой парочке с целью, как минимум, сделать Удода инвалидом.

Белый щёголь несколько поздно вато заметил оскорблённого хозяина и чуть было действительно не остался без своего мужского достоинства, спешно покидая любовное ложе. Он отчаянно кинулся в сторону, Гуляша занесло, и он проскочил мимо, а подлый Удод, отрезанный к отступлению домой, понёсся к спасительным брёвнам. Хозяин семейства, оценив ситуацию и взяв её под контроль, рванул за ним.

Когда он повернул за лежащие колоды, его обидчик в то же самое мгновение уже выскакивал из-за них с другой стороны, а глупый, ослеплённый яростью Гуляш, не видевший этого, понёсся по прямой. Он лихим галопом проскочил дорогу, перелетел, как коршун, через овраг и остановился, тупо упёршись в крутой голый склон горы, потому что дальше бежать было некуда.

Можно, конечно же, понять, дорогой читатель–мужчина, его чувства, когда, оглянувшись, увидел Гуляш за дорогой в родном огороде белого негодяя, сидящего на очередной его наложнице, закатившей глаза!

Как рыжая молния пронёсся он через разделявшее пространство, высекая шпорами искры из дорожной брусчатки, обратив трусливого любовника в позорное бегство и загнав подлого Удода, теряющего силы и перья, в тёмный сарай на его же территории.

Продолжая пернатую тему, надо сказать, что многие в то время держали кур, выращивая их из совсем маленьких цыплят.

Так, в конце зимы, родители Юры тоже брали в районном инкубаторе только что вылупившихся птенцов, по двадцать пять копеек, которые сидели тут же на кухне в отгороженном углу и без конца пищали. Отец очень любил наблюдать за ними и даже разговаривать.

Когда они подросли и оперились, пришла весна, стало тепло, и цыплят поселили во дворе за сеткой.

Как-то отец, наблюдая за ними, склонился и чихнул, как всегда неожиданно, громко и раскатисто. Ощущение «конца света» мгновенно пробудило у пернатых подростков доселе дремавшие лётные качества, и собирать их пришлось по всей усадьбе.

Кроме цыплят у Апраниных были взрослые куры и петух, которые жили в сарае. Там для них отец соорудил насесты из жердочек, называемые в простонародье «курсоньем», и гнезда, сделанные из ящичков, застланных соломой, в которых куры несли яйца.

Как-то мать заметила, что уже неделю яиц нет. Поиски ни к чему не привели, а загадка разрешилась довольно неожиданно. Залежи обнаружались совершенно случайно в будке у Шарика.

Трудно сказать, что именно привлекло обнаглевших хохлаток к собачьей конуре, но они ходили туда, как к себе домой, ступая прямо по Шариковой шубе. Видимо, понравилось укромное место, тепло и лохматость пса. А может, захотелось сменить обстановку? Кто знает куриную мотивацию, но запасы были извлечены, и доступ из курятника закрыт.

Этим же «политическим убежищем» пользовался и Клеопатр, их полосатый кот, преследуемый соседскими собратями. Было так: Клеопатр в будку, Шарик, с лаем, из будки, а оппоненты на крышу. Дружба, друзья мои, – великое дело!

Бедный Йорик

Самые беззаботные годы детства закончились вместе с начальной школой, и в пятом классе четыре друга, включая Апранина, пришли поступать в детскую изостудию, хотя способность к изображению чего-либо на плоскости имел только один Петя Якубович. Но приятели по поводу этой мелочи особенно не волновались и правильно делали, главное, что все были вместе.

Изостудия располагалась на втором этаже местного Дома культуры в небольшой, но светлой комнате и руководил ею известный местный художник Эдуард Кириллович. Он работал оформителем на местном комбинате, писал рекламные афиши для кинотеатра и футбольных матчей, но в то же самое время много работал для себя как живописец. Надо сказать, дорогой читатель, что делал он это великолепно, поскольку в дополнение к несомненному таланту, в своё время получил ещё и серьёзное столичное образование по живописи.

Изостудия была оформлена им лично, сообразно своему назначению и тому времени.

Посреди комнаты стояли мольберты, стулья и широкий стол с гипсовыми: шаром, кубом, пирамидой, цилиндром и конусом. Здесь же в декоративной плетёной вазочке и рядом с ней лежали восковые муляжи яблок и груш, а на край стола с высокого шкафа красиво и небрежно ниспадала собранная в складки тяжёлая светло-серая ткань, отбрасывающая на стену выразительную тень. По стенам же были развешаны и разнообразные другие гипсовые предметы: виньетки, дубовая ветвь и виноградная гроздь с листьями. Здесь же находились гипсовые: маска Давида и женская головка. В углу около окна на белой подставке располагалась безрукая и обезглавленная Венера, а рядом с ней, на невысоком деревянном резном столике – гипсовая «давидова ступня».

Ватманской бумаги и карандашей имелось в шкафу сколько угодно, эрудиция Эдуарда Кирилловича была безгранична, а рассказы его о живописи, о художниках, об искусстве и, вообще, о мире и о человеке в этом мире не прерывались ни на минуту.

Кроме занятий в помещении изостудии, через несколько месяцев, они стали выходить на этюды. Настоящий большой этюдник на трёх блестящих выдвигающих ножках был только у их учителя. Петьке небольшой этюдник купили в областном центре, а Юрке его сделал отец, но выглядел он как настоящий. В нём было всё, что полагается: отделения для тюбиков с масляной краской, отделение для кистей и места для бутылочек с маслом, растворителем и для тряпок. Накрывала всё это хозяйство настоящая палитра с отверстием для большого пальца руки, а в крышке этюдника находилось несколько сменных фанерок, для крепления загрунтованного картона для рисования.

Краски приходилось привозить из других больших городов, а художественное масло делали сами, прокипятив подсолнечное и дав ему несколько дней отстояться.

Походы на этюды чередовались с карандашным рисунком в студии, и хотя выдающихся достижений, естественно, быть не могло, всё же наукам композиции, перспективы, света, тени и цветового смещения приходилось приоткрывать свои тайны.

Рассказы Эдуарда Кирилловича уносили ребят в разные эпохи, страны, стили и направления в искусстве, к гениям прошлого и мастерам настоящего.

От заинтересованного и пытливого детского внимания ни одна мелочь из рассказов учителя не ускользала и не оставалась незамеченной, включая анатомические опыты художников эпохи Возрождения и сожаление по поводу отсутствия в студии хотя бы муляжа черепа человека, поскольку для рисования карандашом сложнее этого предмета в природе нет.

Так вот поэтому, когда копающий водопроводную траншею экскаватор неожиданно наткнулся на древнее кладбище, по которому уже давно проходила соседняя с домом Апрапина улица, и выворотил ковшом на поверхность ворох старых почерневших костей, отогнать юных художников от землеройного агрегата было всё равно, что отогнать осиный рой от давленного винограда на базаре. Экскаваторщик, в свою очередь, очень ревниво отнёсся к постоянному присутствию, поскольку, видимо, сам надеялся найти что-либо в древних могилах. Оценив обстановку, настрой копателя и не слишком афишируя свои намерения, компания «живописцев» с деланным равнодушием удалилась, но, совершив круг по соседним огородам, скрытно вернулась и засела в кустах, как раз напротив завывающего экскаватора, не сводя глаз с комьев земли, вываливающихся из ковша. Когда же, наконец, тёмный круглый предмет, выпав из железной руки, глухо шлёпнулся и покатился по глиняному отвалу, следопыты, вылетев из засады, с такой скоростью сцапали добычу, что тракторист, успевший едва высунуть ногу из кабины, только растерянно моргал, глядя вслед исчезнувшему в зелени налётчику.

Из «бедного Йорика» вытряхнули землю и решено было, что лучше всего вымыть его можно только в бане с мылом и щёткой. Решение это было, безусловно хорошее и мудрое, да вот баня-то общественная, а живые люди почему-то не всегда понимают попытки бывших помыться с ними заодно. Так оно и вышло.

Вначале на пацанов никто не обращал внимания, мол, возьмётся с чем-то, да и ладно. Когда же «экспонат» отмыли и он, оскалившись на поражённых мужиков, зловеще засиял жёлтой костью во всей своей красе, «малолетним эксгуматорам» пришлось выбегать на улицу с черепом под мышкой и с одеждой в руках.

Но дело сделано и всё остальное уже не важно! Это была победа, и поэтому ещё один, причём самый оригинальный и ценный натурщик, заслуженно занял своё законное место на студийном столике рядом с «давидовой ногой» и четвертованной греческой богиней.

Надо сказать, друзья мои, что бескорыстие и благородные помыслы были нормой жизни людей тех далёких лет. Вы только представьте себе, что за аренду помещения никто не платил, Эдуард Кириллович учил и просвещал абсолютно бесплатно и очень охотно, а они, студийцы, не платили за это ничем, кроме как любовью и благодарностью, боясь пропустить даже одно единое занятие.

Это действительно было первое в их жизни настоящее распахнутое окно в таинственный и прекрасный мир творчества, и они, как зачарованные, не могли от него оторваться.

Никто из друзей, в конечном счёте, не стал художником. Однако же те три года занятий в изостудии были не просто рисованием, а человеческим, образовательным, эстетическим и даже духовным их формированием!

Шеф

С окончанием восьмого класса закончилось детство и наступила юность. Если кому-то непонятно в чём разница, я объясняю. Любое самовыражение с этого момента происходило не само по себе, а ради внимания девчонок. Конечно, это имело место и раньше, но напоминало усилия собачонки, бегущей за грузовиком, которая, догнав его, не знает, что делать с ним дальше. Теперь же на уборку картошки бралась с собой гитара, и хотя тремя пальцами освоены были только три аккорда, песня про «стражу, узника и любимую девочку» пелась теперь уже не машинально, и не ради демонстрации музыкальных способностей. Сии произведения, равно как и все остальные «про Джулию» и «дорогую мою пропажу», исполнялись уже с глубоким смыслом, с потупленным взглядом и большим чувством, а воспринимались, в свою очередь, также с румянцем на щеках, суетливым перебиранием пальчиками и с большим пониманием.

Освоение гитары, таким образом, стало у пацанов насущной задачей номер один. «Большая» и «малая» звёздочки «семиструнки» канули в Лету и теперь лихорадочно переписывались друг у друга аккорды латиноамериканского шестиструнного строя с «баре от первой, второй и третьей струны».

Творческие усилия из мира живописи плавно, но неуклонно перетекали в мир музыки. И вот в один прекрасный момент в школе появился свой маленький оркестр, состоящий из трёх гитар и ударной установки, в которую входил маленький перекрашенный пионерский барабан и настоящий, невесть откуда добытый «чарли». Гитары были большие, чёрные, из цельной берёзовой доски и очень тяжёлые.

Как это звучало с применением «кинаповского» усилителя, проводов «на спичках» и двух колонок с рваными диффузорами, конечно, говорить нужно отдельно и со слезами. Но, друзья мои, это было здесь на сцене, и известные мелодии «Словно сумерек наплыла тень» и «Yesterday» можно было узнать, и играли её свои ребята, которые твои друзья и, главное, что играли они для тебя!

Апранин играл на соло-гитаре, Юрка Кротов на «ритме», Вовка Мироненко на «басу», а Серёжка Швед «держал ритм на ударных».

Зал «заходился» от мелодий из репертуара «Поющих гитар» и «Beatles», а они чувствовали себя небожителями. Здесь, дорогой читатель, необходимо открыть одну тайну, без чего невозможно было бы понять, каким же образом в школе могли появиться инструменты и аппаратура.

Дело в том, что Юрка Апранин играл на электрогитаре по вечерам на танцах в районном ДК, но занятие это не афишировал в силу возраста и критического отношения школы к разного рода «халтурам» и другим заработкам школьников. В данном же случае позиция «школьного страуса» была понятна и легко объяснима, поскольку танцы в ДК проходили по субботам и воскресеньям, а школьные вечера по пятницам.

Апранин пользовался в ДК, у руководителя оркестра доверием и поддержкой, а перенести всё необходимое для проведения вечера через парк до школы для его джаз-банды было «раз плюнуть». Кроме того Юрка отстоял для себя и своих музыкантов перед руководством школы длинноволосую причёску, обещая в противном случае, т. е. «потеряв свой артистический имидж», больше никогда не выйти на школьную сцену.

Учитывая грядущие новогодние праздники, начальство, конечно, пошло навстречу «творческим заскокам капризной звезды школьного оркестра», в тайне намереваясь обрить его наголо уже после торжеств. Но это была явная и зримая победа вольнодумства в условиях тотального гонения на «волосатых битлов». Командиры просчитались, поскольку праздники, как известно, не кончаются никогда. К живой музыке на вечерах быстро привыкли и поэтому Апранина оставили в покое.

И вот теперь, друзья мои, наступило, пожалуй, самое время коснуться человека, стоящего у сотворения современной музыкальной культуры, оживившей маленький провинциальный город, утопающий в садах, огородах и бесконечных хлопотах ради хлеба насущного.

Он был старше Апринина, с детства играл на трубе в школьном духовом оркестре, под руководством бессменного руководителя музыки «всех времён и народов» Георгия Васильевича, и учился со старшим братом Юрия в их родной школе, которую и закончил с серебряной медалью.

После окончания школы, на удивление всем, он поехал поступать учиться не в столичный университет, как медалист и как все ожидали, а в музыкальное училище в областном центре, и это была первая странность.

Закончив учёбу и отслужив в армии, сколько полагается, он остался не в филармониях и известных оркестрах, и ансамблях, в которых, тем не менее, поработал пару лет, и кстати, весьма успешно, а вернулся в родной город преподавателем музыки в «дышащую на ладан» музыкальную школу. Это уже, по мнению местных базарных авторитетов, явно тянуло на медицинский диагноз.

Мало того, он не просто вернулся, а привёз с собой красавицу подругу и невесту, тоже музыканта и преподавателя музыки, которая была к тому же в полтора раза выше его ростом!

Возмутительнее всего, по общему мнению, было то, что они не торчали день и ночь на огородах, не торговали на базаре картошкой и цибулей, а занимались исключительно тем, что учили детей музыке. Постепенно они создали городской эстрадный духовой оркестр, детский духовой оркестр музыкальной школы, и, наконец, настоящий джаз-оркестр в районном Доме культуры, где и оказался с гитарой в руках юный Юрка Апринин, подающий большие музыкальные надежды.

Возвращаясь, однако, к нашему подвижнику, надо сказать, что, конечно же, столько непонятного и противоречивого относительно одного человека в принципе не могло быть постигнуто обывательскими мозгами, затянутыми паутиной и засиженными мухами. Когда эта счастливая парочка, занятая друг другом, катила на велосипеде по пыльной летней улице, смеясь и добродушно улыбаясь встречным, город трясло, а бабка Суклита прямо сказала, – «Яны жить ня будуть!» Однако Геннадий крутил педали, а Лена, сидя на багажнике, беззаботно болтала красивыми загорелыми ногами, откинув назад прядь золотистых волос и обхватив своего суженного руками.

Нужно отметить, что конечно, духовой оркестр нельзя считать каким-то необычным достоянием. Такие оркестры были и на крупных предприятиях, и в местной пожарной части. Но джаз-оркестр в глухом районном городке, это ещё необычнее, нежели волосатые «битлы»!

Репетиции шли бесконечно, энтузиазм был почище, чем при первом полёте человека в космос, а пальцы Апринина завязывались узлами от неведомых доселе аккордов и техники звукоизвлечения. Блюз, свинг, диксиленд, босса-нова...

Наконец программа была сделана, и патриархальная провинция услышала в волшебной кружевной вязи джазовой обработки и «Beatles», и Луи Армстронга, и Дюка Эллингтона. Кружева эти, правда, иногда были похожи на штопаную авоську, но лиха беда начало, и вечера танцев в ДК

были испытательным полигоном для апробации новых направлений, форм, вариантов звучания, да и просто для музыкальных экспериментов.

Всё же, чтобы не перегружать неведомыми джазовыми новациями неокрепшую нервную психику аборигенов и не отвратить их навсегда от достижений цивилизации, а, наоборот, постепенно приучить к ним, было решено разбавлять программу чем-нибудь более привычным для их слуха, например песней «Увезу тебя я в тундру» из репертуара «Самоцветов».

Менялось, конечно, постепенно менялось, дорогой читатель, и техническое музыкальное оснащение. В первую очередь это, легендарная «Радуга» с двадцати пяти ватным усилителем, с большой красивой прямоугольной акустической колонкой, хоть и одной, но зато из лакированного дерева и с лицевой стороны она была задрапирована благородной серо-золотистой тканью. Мало того, в арсенале новоявленных, но уже постепенно признаваемых джазменов,

появилась ионика «Юность», доселе невиданный клавишный инструмент, способный издавать неслыханные звуки вроде органа и прочие космические таинственные звукосочетания.

Окрыление было таким сильным, что немедленно коллективу потребовалось достойное название, сценические костюмы, как у тех же «Самоцветов», например, ну и вообще своё сценическое лицо.

Лицо планировалось выработать в самое ближайшее время в процессе творческого роста, костюмы были пошиты, а в качестве названия взяли древнее имя родного города. Название это было нанесено на полупрозрачный пластик лицевой стороны большого барабана ударной установки, а вовнутрь барабана установили электрическую лампочку!

На затемнённой сцене, при сумрачной и вынужденно «выборочной» фронтальной подсветке от наполовину разбитой рампы, свечение большого барабана, сотрясаемого pedalной колотушкой, создавало внутри оркестра мистическое ощущение бьющегося сердца.

Когда после репетиции, после танцев или после концерта, усталые и молчаливые собирались они в своей комнате, называемой всеми музыкантами мира «оркестровкой», то выключали свет и снова включали большой барабан. Они отрезали белые капроновые пробки и открывали длинные бутылки с сухим «Рислингом», которые смиренно стояли на клавишной «Юности», пили прохладное кислое вино и заедали жареной зайчатиной или дикой уткой, которой, как всегда, угощал Ваня Фурсей, их барабанщик.

Если сказать о нём пару слов, то следует отметить следующее: какой он был музыкант, вопрос спорный, и судить об этом, видимо, можно по-разному, но то, что он был замечательный охотник, хороший добродушный и очень компанейский мужик – так это точно!

В своё время Иван играл с ними в оркестре на контрабасе, смысл и цель игры на котором он видел исключительно в том, чтобы грациозно крутить несчастный инструмент на блестящей ноге вокруг его оси и мученически запрокидывать при этом голову назад, открывая рот.

Он очень любил одеваться строго в чёрное, но непременно галстук, бабочка и носки имели блестящие парчовые вкрапления. Где он доставал эти вещи в то непростое время, уму непостижимо!

Так вот, нечленораздельное басовое буханье, сплошное непопадание в ноты, которое, кстати, Ваней и не предусматривалось, в шумном танцевальном зале до поры до времени прощалось, хотя и доводило Геннадия до «белого каления». Но когда оркестр вышел на концертную сцену, под спокойное пристальное восприятие публики, нужно было что-то делать, и Ивана пересадили за барабаны и тарелки. Слава Богу, нот там не было, а ритм был ему вполне по зубам. Правда и здесь неугомонный позёр нашёл свою изюминку и время от времени подбрасывал вверх барабанные полочки, пытаясь вертеть ими в воздухе. Палки, подпрыгивая, раскатывались по всей сцене и падали в оркестровую яму, а публика хохотала, глядя на невозмутимого «Гареткина». Иван упивался своей виртуозностью, искренне не понимая, что высасывает последнюю кровь у их руководителя, получившего с лёгкой руки Апринина пожизненное и уважительное имя «Шеф»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.